

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЕЖИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, КАЗАХСТАНА И ЧЕХИИ): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ (Часть 1)*

Нарбут Н.П., Троцук И.В.

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия
(e-mail: narbut_np@rudn.university; trotsuk_iv@rudn.university)

В статье представлены заключительные эмпирические результаты трехлетнего исследовательского проекта, который реализовывался сотрудниками кафедры социологии Российского университета дружбы народов совместно с зарубежными коллегами в целях сопоставительного анализа мировоззренческих приоритетов современной студенческой молодежи. Будучи ограничены объемами публикации, авторы разбили материал на две части: в первой части они сосредоточились на обозначении некоторых акцентов в ценностях, которые выступают в качестве ориентиров, задающих смысловые горизонты социального действия и критерии оценки событий и ситуаций. Полученные данные в силу неэквивалентности используемого в трех странах опросного инструментария не позволяют проводить широкие обобщения, однако показывают, что по ряду характеристик нынешняя российская молодежь больше похожа на своих чешских или казахстанских сверстников, чем на себя же десятилетней давности. Подобный вывод авторам позволил сделать анализ данных, проведенный согласно тематической структуре опросного инструментария. В частности, в статье представлены образовательные ценности студенчества (прагматично-инструментальное восприятие высшего образования), трудовые ценности (сложное переплетение оптимизма и пессимизма в оценке шансов на трудоустройство после окончания вуза и разное отношение к сочетанию учебы и работы в настоящий момент), особенности межличностного взаимодействия (высокий кредит доверия родителям, особенно в сложной жизненной ситуации, не зависит от самовосприятия и ширины круга личной ответственности), политические ценности (соотношение аполитичности и заинтересованности различается, как и уровень социального доверия, несмотря на схожесть оснований для национальной гордости), общие ценностные приоритеты (отношение к религии, трактовка жизненного успеха и необходимых для его достижения качеств, горизонты планирования) и проблемы (оценка своего поколения с точки зрения актуальных для него угроз).

Ключевые слова: студенчество; молодежь; ценностные ориентации; смысложизненные ценности; сравнительный анализ; опросный инструментарий.

* © Нарбут Н.П., Троцук И.В., 2017.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (РФФИ). Проект № 15-03-00573 «Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран: сравнительный анализ (на примере России, Казахстана, Китая, Сербии и Чехии)».

На протяжении последнего десятилетия коллектив ученых Российского университета дружбы народов вместе со своими сербскими, чешскими, китайскими и казахстанскими коллегами проводит сопоставительные замеры, по сути, социального самочувствия молодежи постсоциалистических стран. Тематические акценты наших эмпирических проектов неоднократно менялись, но неизменными оставались два обстоятельства: во-первых, поддержка Российского гуманитарного научного фонда (сегодня — отделения гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований); во-вторых, акцент на сравнительном подходе для выявления общего и особенного в мировосприятии студенчества наших стран. Мы прекрасно понимаем, что само понятие «сравнительные исследования» сложно назвать однозначным и устоявшимся в социологической традиции, и отчасти по этой причине оно редко выносится в название исследовательских проектов, а если и выносится, то в синонимических форматах (речь может идти о сопоставительном анализе, сравнительном подходе, кросскультурном исследовании и т.д.). О сложностях реализации сравнительной ориентации в международных проектах мы неоднократно писали (1) [см., напр.: 1—3; 5; 7; 9; 11; 12], а также достаточно подробно рассматривали отдельные, наиболее интересные для нас тематики в сопоставительном контексте (2), поэтому заключительные для нашего эмпирического проекта 2015—2017 годов публикации мы решили посвятить эмпирическим данным.

Ранее мы обозначили терминологические особенности сравнительных проектов (в частности, понятие «сравнительное исследование» оказалось шире, чем «кросскультурный проект», хотя корректная понятийная «маркировка» здесь до сих пор затруднена, поэтому при просмотре названий статей в социологических журналах иногда складывается впечатление, что авторы стараются не упоминать о сравнительном анализе), суммировали их методологические возможности и ограничения, обусловленные, в том числе, спецификой их исторического развития (скажем, объединяет разные варианты сопоставительного анализа то, что преимущественно он основывается на количественном подходе), систематизировали концептуальные и методические находки крупнейших сравнительных исследований ценностей, реконструировали основания многочисленных попыток структурировать сравнительные исследования (по объекту, предмету, количеству замеров, целям, методическим решениям и др.) и рассмотрели причины того удивительного обстоятельства, что, несмотря на свою длительную историю, сравнительные исследования все еще не могут избавиться от очевидных проблем или, по крайней мере, предложить понятные пошаговые инструкции по их преодолению (прежде всего, это проблема обеспечения эквивалентности — лингвистической, методологической, процедурной и пр., нередко вследствие банального человеческого фактора, т.е. неспособности исследовательских команд договориться или отказаться от свободы самовыражения в опросном инструментарии).

Проделанная за первые два года исследовательского проекта работа позволяет нам завершить его публикациями, представляющими эмпирические данные, которые были получены в 2016 году, но обработаны в 2017 году. Мы должны сразу

предупредить, что речь идет о презентации и описании данных, поскольку проводить более сложную аналитическую работу мы не могли по ряду причин. Во-первых, базовый инструментарий для оценки ценностных ориентаций студенческой молодежи был разработан нами еще в 2006 году, но к 2016 году несколько модифицирован, чтобы в большей мере соответствовать нынешним реалиям, поэтому мы лишь отчасти можем проводить сравнения нынешних и прежних московских студентов с точки зрения их мировоззренческих приоритетов. Во-вторых, несмотря на то, что российская команда переслала чешским и казахстанским коллегам, владеющим русским языком, итоговый вариант анкеты, который они могли изменять лишь с позиций лингвистической эквивалентности (перевод на чешский язык) и социальной релевантности (в вопросе про доверие социальным институтам их набор в каждом обществе неизбежно менялся), наши казахстанские коллеги сократили вопросник, а чешские коллеги и модифицировали его (исключив ряд вопросов, заменив некоторые вопросы вариантами, которые сочли более подходящими или стандартными, а также добавив несколько вопросов). В итоге мы имеем три не идентичных вопросника, поэтому проводим сопоставительный анализ не по всем тематическим блокам и вопросам анкеты. В-третьих, организационные возможности проектов, подобных нашему, определяют пределы обобщения полученных данных. Хотя в данной и следующей статье по итогам проекта мы будем говорить про столичное студенчество трех стран (для краткости — российские студенты, чешские и казахстанские), в Москве было опрошено 1000 студентов старших курсов разных вузов (выборка квотировалась только по профилям обучения — социально-гуманитарные специальности, технические и естественнонаучные), а в Праге и Астане были опрошены студенты только одного крупнейшего университета (400 студентов Карлова университета и 500 студентов Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева).

Таким образом, речь не идет о широких обобщениях и сопоставлении мировоззренческих приоритетов российской, казахстанской и чешской молодежи — только об обозначении некоторых акцентов в ценностях, которые выступают в качестве ориентиров, задающих смысловые горизонты социального действия и критерии оценки событий и ситуаций. Поскольку в социологии принято разводить ценности (уровень общества) и ценностные ориентации (индивидуальный уровень преломления ценностей), то идентификация ценностных ориентаций в той или иной мере помогает увидеть существующий в обществе набор ценностей, задающий нормы и правила поведения и усваиваемый молодыми поколениями в ходе социализации. Безусловно, при этом мы помним про известный «парадокс Лапьера», согласно которому индивиды далеко не всегда действуют согласно декларируемым ценностям, однако это не отменяет необходимости выявления этих ценностей, пусть в формате своеобразных эталонов, а не руководств к действию (вариантов преодоления «парадокса Лапьера» в социологических исследованиях было предложено немало, но они не являются предметом нашего рассмотрения [см., напр.: 4; 6; 8; 10]).

Итак, обратимся к полученным нами эмпирическим данным, чтобы попытаться ответить на несколько странный, но обоснованный вопрос, учитывая сколь ра-

дикально сегодняшнее российское общество отличается по своим социально-экономическим и политическим чертам от себя же десятилетней давности: в своих мировоззренческих приоритетах нынешние российские студенты больше похожи на себя же десять лет назад или же на своих нынешних чешских и казахстанских сверстников? Нужно отметить, что с казахстанскими коллегами это наш первый опыт исследовательского взаимодействия, тогда как с чешскими коллегами мы имеем давний опыт сотрудничества. Еще в 1999 году Социологическая лаборатория РУДН совместно с Карловым университетом провела разведывательное исследование ценностных ориентаций студенчества постсоветской России и Чехии, проверяя гипотезу, что молодежь двух стран легче и менее болезненно, чем старшие поколения, адаптировалась к требованиям нового общественного устройства, разделившись на три условные группы: часть ориентируется на западные модели; часть стремится сочетать ценности демократического рыночного общества с традиционными ценностями социалистического общежития; часть аполитична и погружена в устройство личной жизни и быта. Как показали результаты нашего исследования, между российским и чешским обществами не обнаружилось кардинальных различий, потому что многие проблемы и противоречия переходного периода были общими, но их проявления носили специфический «национальный» оттенок, усугубляемый несопоставимостью российского и чешского «кейсов» как по размерам, так и по внутренней дифференциации.

В 2002 году мы провели сравнительное социологическое исследование содержания патриотических представлений российской и чешской студенческой молодежи, а также обусловленных ими моделей жизненного самоопределения (хотя само понятие патриотизма оказалось неактуальным для Чехии, где следует говорить не о патриотизме, а о национальной идентичности, поскольку в Чехии понятие патриотизма сливается с этнической и территориальной проблематикой). Как показали результаты российского и чешского опросов, структура патриотизма у двух групп включала все три компонента — когнитивный, аффективный и конативный, причем не один из них не доминировал. Студенты проявили единодушные в оценках своих стран как «среднеразвитых», в приверженности их позитивному образу, в негативной оценке деятельности властных структур, в чувстве гордости за прошлое, в отсутствии обеспокоенности возможностью распада государства и установления военной диктатуры и т.д. Тем не менее, как и в случае с Казахстаном и в отличие от Китая (3), комплексный опросный инструментарий для реконструкции смысложизненных ценностей студенчества в Чехии не применялся, и в 2016 году мы впервые провели сравнительную оценку ценностных доминант студенческой молодежи трех стран.

Как показали результаты нашего опроса, ценностная сфера студенческой молодежи трех стран имеет как общие черты, так и особенности. Рассмотрим основные блоки ценностных ориентаций, вопросы по которым были представлены в анкете (4).

Образовательные ценности. В качестве основной причины получения высшего образования московские студенты, как и десятилетие назад, называют жела-

ние стать квалифицированным специалистом (свыше 60%) и получить знания, необходимые для дальнейшей жизни, хотя второй показатель снизился (с 67% до 53%), что можно объяснить более прагматичным отношением к образованию — оно должно превращать вчерашнего школьника в квалифицированного специалиста, а общая эрудированность — вещь полезная, но менее значимая (табл. 1). О росте прагматичности студентов в восприятии обучения говорит и то, что практически в два раза (с 6% до 11%) увеличилась доля тех, кто получает высшее образование, ориентируясь на запросы работодателя (существенное падение доли тех, кто воспринимает высшее образование как возможность получить отсрочку от армии вряд ли можно столь же легко объяснить, потому что этот показатель может быть результатом систематических смещений в долях опрошенных юношей и девушек — их соотношение не квотировалось, а рекомендовалось отслеживать в процессе отбора респондентов, в итоге оно составило 40% на 60%).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Почему вы решили получить высшее образование?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Хочу получить знания, необходимые мне для дальнейшей жизни	67%	53%	57%	52%
Хочу стать квалифицированным специалистом	64%	61%	64%	51%
Мне нужен только диплом	17%	16%	13%	42%
На этом настаивали мои родители	13%	15%	10%	22%
В этом заинтересовано предприятие, на котором я работаю/собираюсь работать	6%	11%	9%	17%
Дома скучно сидеть	10%	12%	2%	10%
Обучение в вузе — прекрасная возможность удачно выйти замуж	5%	7%	2%	6%
Возможность получить отсрочку от армии	16%	6%	0,2%	10%

Распределение ответов казахстанских студентов оказалось практически идентичным, за исключением нескольких наименее значимых позиций, свидетельствующих о целерациональном отношении к высшему образованию: практически никто не пошел учиться из-за скуки (2% против каждого десятого московского респондента), чтобы выйти замуж или получить отсрочку от армии. Чешские студенты в своих оценках высшего образования продемонстрировали иную структуру мотивов: с одной стороны, у них те же два доминирующих мотива, что у российских и казахстанских студентов; с другой стороны, ненамного отстает от них формальный критерий получения диплома как такового (42%), и они чаще относятся к высшему образованию прагматично-формально (17% ориентируются на потенциального работодателя, каждый десятый хочет получить отсрочку от армии или борется со скукой, 6%, примерно столько же, как в российской выборке, планирует найти себе выгодную партию).

Если бы у студентов была возможность выбора, почти треть московских респондентов хотела бы учиться за границей, каждый второй не хочет менять место учебы, потому что ему нравится вуз, а 13% предпочли бы учиться в другом рос-

сийском вузе. Последний показатель незначительно снизился за десять лет и совпадает в московской и казахстанской выборках, однако первые два различаются: не треть, а 44% казахстанских студентов хотели бы учиться за границей, соответственно, не каждому второму, а 42% нравится учиться в нынешнем вузе. В этом вопросе мнение чешских студентов совпало с мнением их российских сверстников, но десятилетней давности: каждый пятый чешский респондент предпочел бы учиться в другом чешском вузе (каждый второй — там, где учится, а каждый третий — за границей).

Планирует продолжить обучение (магистратура, аспирантура, второе высшее) большинство российских студентов — этот показатель не изменился за десятилетие (каждый третий ограничится дипломом бакалавра). Практически каждый второй казахстанский и чешский студент собираются поступать в магистратуру (43% российских респондентов), каждый четвертый российский и казахстанский студент хотел бы получить второе высшее образование (лишь 8% чешских респондентов, что говорит о четком понимании целей нынешнего обучения). Ниже всего доля не собирающихся продолжить обучение после бакалавриата в Казахстане (каждый пятый против каждого третьего российского респондента; с чешскими данными сложно проводить сравнение, поскольку было изменено распределение закрытий по вопросам и, соответственно, суть ответов о планах продолжать обучение).

Трудовые ценности. Оценки шансов на трудоустройство после окончания вуза незначительно изменились у московских студентов за прошедшие десять лет, и можно констатировать некоторый рост оптимизма: как и прежде, каждый пятый предполагает, что ему придется долго искать рабочее место по специальности, но доля уверенных, что легко и быстро трудоустроятся по профессии возросла (с 29% до 38%) за счет сокращения доли настроенных на беспроблемное трудоустройство не по специальности (с 36% до 20%) (табл. 2). Наиболее пессимистично настроены чешские студенты (каждый четвертый полагает, что долго останется безработным, 34% против 22% в других выборках ориентированы на долгий поиск работы по специальности, лишь 16% против порядка 40% полагают, что легко и быстро найдут работу по специальности), а наиболее деятельно — российские студенты (16%, что в четыре раза больше аналогичных показателей в других выборках, уже нашли работу), и хотя доли трудоустроенных совпадают в казахстанском и чешском опросах, казахстанские респонденты настроены столь же оптимистично, как их российские сверстники.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свои шансы на трудоустройство после окончания вуза?»

Варианты ответов	Москва	Астана	Прага
Думаю, что легко и быстро найду себе работу по специальности	38%	44%	16%
Мне придется долго искать себе рабочее место по специальности	22%	22%	34%
Думаю, что без проблем найду себе работу, но скорее всего не по специальности	20%	24%	22%
Полагаю, что долго останусь безработным	5%	7%	25%
Я уже нашел работу, где останусь и после окончания вуза	16%	4%	3%

На момент опроса работали (будучи ограничены размерами анкеты, мы не конкретизировали тип занятости — полная, частичная, подработки и пр.) 42% российских студентов, в основном не по профессии (28%) и на коммерческих предприятиях (69% трудоустроенных); основным критерием поиска работы была возможность ее совмещения с учебой (59%), тогда как работа по специальности и заработная плата — вторые по значимости позиции (по 28%) (табл. 3). Доля работающих казахстанских студентов существенно ниже (26%), преимущественно это тоже занятость не по специальности (16%) на коммерческих предприятиях (62%), и основные критерии поиска работы совпадают с российской выборкой, хотя связь работы со специальностью оказалась более значимой, чем заработная плата (в российском опросе респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов, а в казахстанском и чешском — лишь один). Распределение ответов московских студентов оказалось ближе чешской выборке: также работают 42%, чаще не по специальности (36%) и в основном на коммерческих предприятиях (63%). Однако по критериям выбора места работы российская ситуация ближе казахстанской: студенты трех стран, в первую очередь, стремятся разумно совмещать работу и учебу, но связь со специальностью наименее значима для чешской студентов.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «По каким критериям Вы выбирали место работы?»

Варианты ответов	Москва	Астана	Прага
Я искал(а) работу, связанную со своей специальностью	28%	31%	7%
Я искал(а) работу так, чтобы можно было совмещать работу	59%	48%	62%
Главным критерием была заработная плата	28%	19%	15%
Другое	2%	2%	16%

Главные требования к работе у московских студентов за десятилетие не изменились с точки зрения их условной иерархии (табл. 4): в лидерах высокая оплата труда и интересность в равной степени; на втором месте — гарантии карьерного роста и возможность самореализации; далее идет престиж работы и возможность новых знакомств, достаточно свободного времени, польза людям и небольшой стабильный доход. Несмотря на то, что, как и прежде, московские студенты достаточно консолидированно придерживаются прагматичных критериев поиска работы, они несколько утратили свои позиции (уменьшились доли ориентированных на высокий заработок, личный интерес, карьеру и новые знакомства) за счет роста интереса к «социальной эффективности» работы — ее пользе для людей. Наиболее устойчивыми оказались два требования — каждый третий ориентируется на престижность, каждый десятый — на близость к дому. Схожую структуру мотивов мы наблюдаем у казахстанских студентов, за исключением трех не самых значимых критериев: они в два раза реже упоминают свободное время и расширение круга знакомств, а местонахождение работы, соответствующей всем прочим критериям, для них не важно. Аналогична и структура мотивов чешских студентов, но здесь различия более значимы: во-первых, для них намного более важна профессиональная самореализация, поскольку требование к работе быть интересной — самое частотное (68%), а также социальное значение работы (то, что она должна

приносить пользу людям, отметил каждый третий) и близость к дому (каждый пятый). Социально-личностное значение и удобство оказались более важны для чешских студентов, чем для российских и казахстанских, причем не только в сравнительной перспективе, но и внутри ценностно-мотивационного комплекса применительно к выбору работы.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «В первую очередь, работа должна...»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Быть высокооплачиваемой	68%	55%	52%	47%
Быть в первую очередь интересной для меня	67%	59%	34%	68%
Гарантировать карьерный рост	55%	42%	35%	43%
Предоставлять свободу действий, возможность самореализации	43%	37%	40%	45%
Быть престижной	30%	28%	24%	27%
Предполагать возможность новых знакомств, расширения круга общения	28%	21%	13%	26%
Оставлять достаточно свободного времени	26%	25%	12%	32%
Приносить пользу людям	18%	27%	23%	34%
Приносить небольшой, но стабильный доход	15%	21%	25%	31%
Находиться близко к дому	12%	11%	2%	22%
Другое	1%	1%	—	5%

Межличностное взаимодействие. Большинство опрошенных выросло в полных семьях, хотя размеры «большинства» различаются по странам. Так, все время росли в семье с обоими родителями 62% московских и чешских респондентов (этот показатель за десятилетие снизился на 8%), но 84% казахстанских студентов. В настоящий момент казахстанские студенты живут преимущественно с друзьями, видимо, в общежитиях и снимая квартиру (46%), или с родителями и родственниками (37%), российские студенты — тоже (22% и 46% соответственно), а чешские студенты — в основном с родителями и родственниками (65%), намного реже с друзьями или с партнером/супругом (по 12%).

Свои отношения с родителями московские студенты характеризуют либо как полное взаимопонимание (36%), либо как теплые, дружеские (47%), и распределение ответов здесь совпадает с чешской выборкой (44% и 41%). Суммарный показатель крепких межпоколенных связей в казахстанском опросе выше — 98% против 81%, но преимущественно за счет утверждающих, что у них с родителями полное взаимопонимание (76%), тогда как каждый пятый характеризует свои отношения с родителями как скорее теплые и дружеские (вероятно, это свидетельство большей «традиционности» казахстанского общества по сравнению с российским, особенно с московской молодежью). Своих детей воспитывали бы примерно так же, как воспитывали их, 71% московских студентов — не приемлет модель родительской семьи каждый пятый. Вполне предсказуемо в свете распределения ответов на предыдущий вопрос аналогичные показатели казахстанской выборки составили 80% и 13%, а чешской — 58% и 23%.

В основном студенты утверждают, что обладают широким кругом общения, где выделяют несколько близких друзей (рис. 1). В целом распределение ответов на данный вопрос аналогично в трех выборках (с некоторыми колебаниями), за ис-

ключением чешских респондентов, 28% из которых признались, что у них нет друзей, потому что им никто не нужен, и это сократило долю тех, кто обладает широким кругом общения с несколькими верными друзьями (каждый второй против 65% московских респондентов и 77% казахстанских).

В тяжелые моменты жизни студенты обращаются за помощью и поддержкой прежде всего к родителям и друзьям, хотя кредит доверия этим группам различается. Наибольший кредит доверия — у чешских родителей (к ним в тяжелые моменты обратится 79%) и у казахстанского родственного круга (хотя частота упоминаний родителей и родственников здесь аналогична московской выборке, но существенно ниже ориентация на любимого человека и других людей вне семейного круга), тогда как чешские студенты, видимо, воспринимают любимого человека как близкого друга и потому частота упоминаний его/ее близка показателю друзей (42% и 52%).

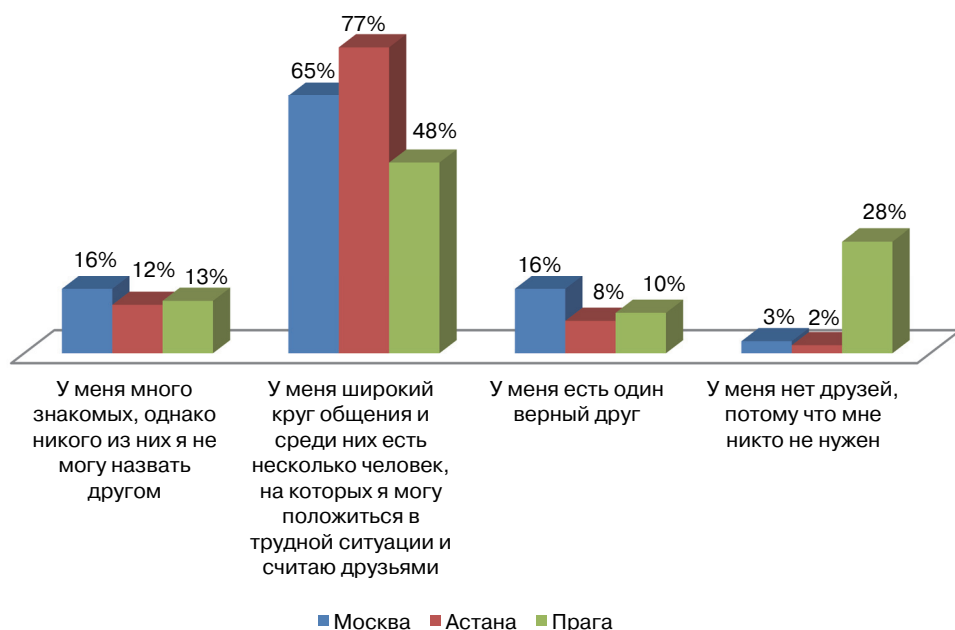

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «У Вас много друзей?»

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «К кому Вы обращаетесь за помощью в тяжелые моменты Вашей жизни?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
К родителям	66%	61%	67%	79%
К близким родственникам	21%	26%	24%	19%
К друзьям	61%	57%	44%	52%
К любимому человеку	32%	29%	9%	42%
К квалифицированному специалисту (например, к психологу)	3%	7%	1%	7%
К священнику/духовнику/ религиозному наставнику	3%	5%	4%	2%
Переживаю трудные периоды в одиночку	22%	17%	15%	23%
Другое	2%	1%	1%	1%

В официальном или гражданском браке в 2006 году состояли 12% московских студентов, к 2016 году — 16%: это выше казахстанского показателя в 9% и схоже с чешской выборкой, однако из 16% чешских студентов 15% живут в гражданском браке. Главное условие официального брака — финансовая независимость, способность обеспечить себя и семью: так считает треть московских студентов, другая треть пока не задумывалась о браке (табл. 6). 17% студентов откладывают регистрацию брака на окончание вуза — факт получения диплома, видимо, рассматривается как первый шаг во взрослую жизнь, в том числе предполагающую официального супруга. За десять лет выросла доля тех, кто считает, что нужно не только закончить обучение, но и устроиться на работу, прежде чем оформлять отношения (с 7% до 16%). Ответы на этот вопрос практически совпали в российской и казахстанской выборках, за исключением более низкой доли во второй тех, кто пока не задумывался об официальном браке, что, видимо, можно объяснить большей «традиционностью» казахстанского общества, где принятие подобных решений не является личной прерогативой и потому обсуждается семейным кругом. Предсказуемо главное условие заключение брака у чешских студентов — также финансовая независимость, с российскими студентами их объединяет и частота игнорирования этого вопроса, однако доли откладывающих официальное заключение брака до окончания вуза и трудоустройства здесь ниже за счет большей доли тех, кто не видит необходимости в официальном оформлении отношений (13% против 3% в московской и 5% в казахстанской выборках).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Когда вы планируете официально оформить Ваши отношения?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Как только закончу вуз	15%	17%	17%	10%
Когда устроюсь на работу	7%	16%	17%	11%
Когда стану финансово независим(а) настолько, что смогу обеспечить семью	36%	32%	36%	34%
Никогда — не вижу необходимости официально оформить наши отношения	4%	3%	5%	13%
Пока еще не задумывался над этим	31%	27%	21%	31%

Модальное значение желаемого числа детей совпадает у российских и чешских студентов — двое, хотя чаще эту цифру называют последние (каждый второй против каждого третьего), а у казахстанских — трое (табл. 7). Для чешских студентов характерна бóльшая определенность в планировании родительства: практически нет затруднившихся назвать желаемое количество детей, доминирует ориентация на двухдетную семью или — намного реже — на однодетную, каждый десятый заявил о нежелании иметь детей. Российские и казахстанские респонденты чаще затрудняются назвать желаемое число детей (видимо, собираясь принять решение в зависимости от социально-экономической ситуации и возможностей семьи), но в целом казахстанские студенты представляют будущую семью как трехдетную или даже многодетную (68%), тогда как российские студенты ориентируются на формулу «двое детей плюс-минус один».

Распределение ответов на вопрос «Сколько детей Вы хотели бы иметь?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва 2016	Астана	Прага
Одного	10%	14%	5%	17%
Двух	41%	33%	14%	55%
Трех	13%	17%	39%	9%
Больше трех	9%	9%	29%	3%
Пока не знаю	22%	21%	16%	5%
Не хочу иметь детей	4%	6%	1%	11%

Как показывает рисунок 2, в трактовке личной ответственности чешские студенты отличаются от российских и казахстанских сверстников высокой степенью индивидуализма: 96% заявили, что, прежде всего, несут ответственность за себя, каждый второй признает такую же по отношению к семье и близким, каждый пятый — по отношению к друзьям, и фактически здесь круг личной ответственности замыкается. Респонденты в Москве и Астане оказались солидарны в том, что основная зона их личной ответственности — семья и близкие: для казахстанских студентов она приоритетнее, а московские студенты чаще признают личную ответственность за друзей и за себя.

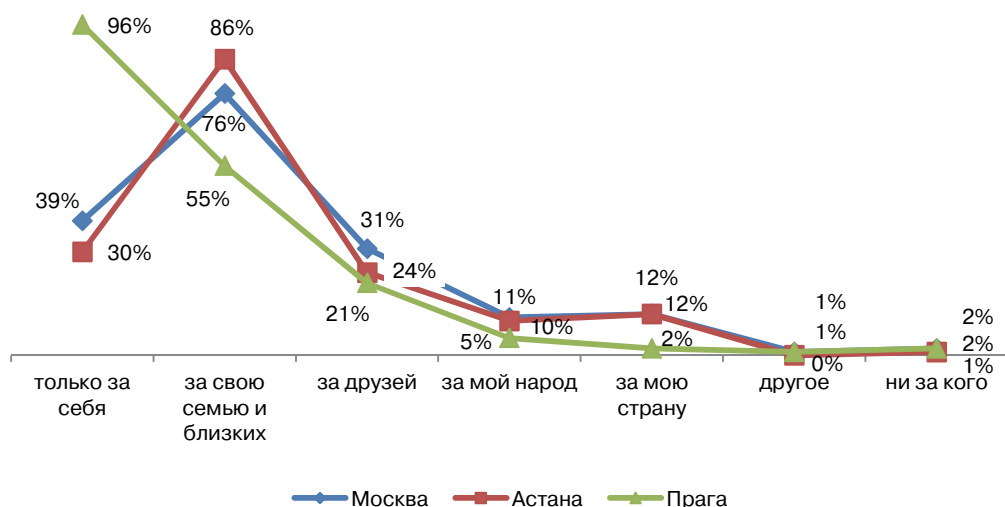

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «За кого, в первую очередь, Вы чувствуете свою ответственность?»

Политические ценности. В той или иной мере интересуется политическими вопросами большинство московских студентов, этот показатель не изменился за десятилетие (табл. 8); каждый десятый категорически отказывается от включения политической проблематики в сферу своих интересов. Аналогичное распределение ответов наблюдается в чешской и казахстанской выборках, но позиции внутри блока политически заинтересованных и несколько различаются: в Астане

студенты чаще выбирают более социально одобряемый вариант постоянного отслеживания политических событий в стране и мире, а Москве и Праге студенты предпочитают говорить скорее о равнодушии к политической повестке дня.

В качестве причины незаинтересованности в политической составляющей современной жизни российские студенты называют, прежде всего, недостаток свободного времени, вторые по частоте упоминаний — бессмысленность отслеживания политических событий, видимо, в силу невозможности влиять на происходящее, и убеждение, что политика — грязное дело (их назвал каждый четвертый), причем за десять лет возросла частота упоминания собственной незрелости как оправдания аполитичности (с 5% до 12%) (табл. 9). Схожие оправдания политической незаинтересованности мы видим в казахстанской выборке, за исключением того, что студенты чаще ссылаются на бессмысленность политики, чем на отсутствие свободного времени, поэтому по обоснованию аполитичности российские и чешские студенты оказались более близки, причем десять лет назад московские студенты столь же редко ссылались на свою незрелость как причину аполитичности.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Вы интересуетесь политикой?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Да, я всегда стараюсь быть в курсе политических событий в стране и мире	21%	21%	45%	20%
По мере необходимости: не особенно рвусь быть в курсе всего, но не могу сказать, что равнодушен(а)	49%	44%	33%	49%
Нет, это не мое — если я и узнаю о чем-то, то только случайно	21%	24%	15%	27%
Вообще не интересуюсь политикой и даже не хочу слышать об этом	9%	12%	7%	4%

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Если Вы не проявляете интереса к политическим событиям в стране и мире, аргументируйте свою позицию»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Мне еще рано интересоваться политикой	5%	12%	14%	4%
Не вижу в этом никакого смысла	27%	24%	38%	29%
Политика — грязное дело	21%	25%	19%	21%
У меня просто не хватает времени отслеживать политические события	42%	35%	26%	34%
Другое	5%	4%	3%	13%

Всегда в выборах участвует лишь 27% московских респондентов (52% казахстанских и 37% чешских, т.е. российская молодежь наиболее пассивна). Важные голосования несколько спасают ситуацию — в них участвует 43% московских респондентов (34% казахстанских и 48% чешских), т.е. в итоге никогда не голосующих, будучи уверены, что их голосование ничего не меняет и ни на что не влияет, — соответственно, 29%, 15% и 14%. В то же время чуть меньше трети (28%)

московских студентов, каждый третий казахстанский и лишь 17% чешских респондентов полагают, что ситуация в стране оказывает существенное воздействие на реализацию их жизненных планов — противоположного мнения придерживается, соответственно, каждый четвертый, третий и пятый опрошенный (табл. 10).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, насколько ситуация в стране может повлиять на реализацию Ваших жизненных планов?»

Варианты ответов	Москва	Астана	Прага
Ситуация в стране никак не связана с моими жизненными планами	24%	30%	21%
Может повлиять, но крайне незначительно	35%	24%	46%
Будет оказывать значительное влияние	22%	22%	13%
Реализация моих жизненных планов полностью зависит от ситуации в стране	6%	13%	4%
Затрудняюсь ответить	14%	12%	16%

В российскую анкету был включен вопрос «Каким политическим партиям/движениям/силам Вы симпатизируете?», призванный не столько идентифицировать политические предпочтения молодежи (что вряд ли имеет смысл, учитывая уровень ее аполитичности), сколько оценить уровень ее социальной конформности, для чего в список ответов был введен вариант «симпатизирую партиям, находящимся сейчас у власти». Этот вариант оказался наиболее частотным (38%), но наряду с вариантом «не симпатизирую никаким» (31%). Остальные предпочтения распределились так: либерально-демократическим партиям симпатизируют 17%, социал-демократическим — 16%, национал-патриотическим — 10%, коммунистическим — 7%, центристским, религиозным, предпринимательским — примерно по 4%. Схожее распределение ответов наблюдается в казахстанской выборке, но здесь больше сторонников партий власти (51%), что сократило долю не симпатизирующих никаким партиям (18%), а остальные предпочтения схожи: либерально-демократическим партиям симпатизирует — 18%, национал-патриотическим — 11%, социал-демократическим — 8%, коммунистическим — 7%, предпринимательским — 5% и т.д. Провести аналогичную суммирование по чешским данным невозможно, поскольку в анкете были перечислены аббревиатуры названий чешских партий, и распределить их по идеологическим группам по аналогии с российской анкетой не получится без серьезного политологического анализа чешских реалий. Каждый пятый чешский респондент не симпатизирует никаким политическим партиям/движениям, но отсутствие симпатий в данном случае, учитывая, что остальные респонденты отметили конкретные партии, видимо, говорит не об аполитичности и отсутствии интереса, а именно о несимпатичности перечисленных политических акторов.

В целом московские студенты более взвешено оценивают сближение со странами Запада, видя в нем и хорошее и плохое (48% против 35% казахстанских респондентов), тогда как казахстанские студенты чаще видят в нем больше пользы, чем вреда (50% против 33%) (чешские коллеги не включили вопрос в анкету, видимо, считая, что он не имеет смысла в интегрированной в европейское общество Чехии).

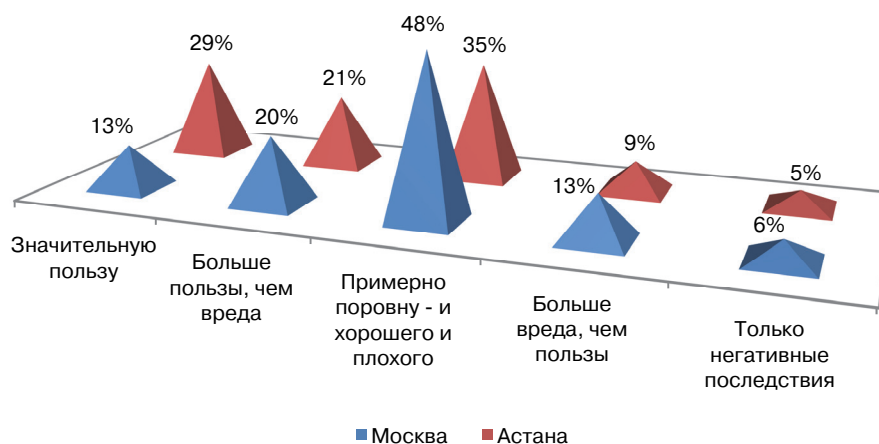

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Сближение со странами Запада принесло нашей стране»

Как граждане студенты консолидированно гордятся историческим прошлым, природными богатствами, культурным наследием и спортивными достижениями (табл. 11). Казахские студенты явно выше оценивают деятельность нынешних социальных и государственных институтов, поскольку, в отличие от российских сверстников, добавляют к предметам гордости национальную армию и положение страны на мировой арене, и все прочие показатели национальной гордости, которые набрали у российских респондентов менее 45%, здесь превышают 60%. Уровень социального недовольства деятельностью государственных органов оказался самым высоким в Чехии — 77% не находят здесь поводов для гордости. В целом по данному вопросу ответы чешских студентов ближе российским (за исключением высокой оценки соблюдения в стране гражданских прав и свобод, а также гордости за систему образования, уровень жизни населения и армию — по этим показателям они схожи с казахской выборкой), а социальное самочувствие казахских студентов наиболее позитивно, учитывая, в каком обществе, предоставляющем массу поводов для гордости, они живут.

Распределение ответов в российской выборке показало рост практически всех показателей: например, в два раза увеличилась доля гордящихся положением страны на международной арене, видимо, вследствие громких политических и военных кампаний российского руководства за рубежом, по остальным параметрам национальной гордости рост существенно меньше. Эти данные уже были нами рассмотрены (5), поэтому мы сосредоточимся на межстрановых сопоставлениях. Также нужно упомянуть, что в российской и казахской анкетах использовался набор дихотомических шкал, а в чешской анкете — шкала из трех градаций («да, горжусь», «в основном да, горжусь» и «нет, не всегда»), поэтому мы фактически не имеем права проводить сравнительный анализ (использовался разный инструментарий), но все же представили данные чешского опроса, суммировав варианты «да» и «в основном да».

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос «Как гражданин своей страны гордитесь ли Вы:»

Варианты ответов	Москва	Астана	Прага
Историей страны	90%	95%	94%
Природными богатствами	86%	87%	94%
Культурным наследием	85%	90%	94%
Спортивными достижениями	77%	85%	95%
Армией	57%	77%	78%
Положением страны на мировой арене	56%	82%	51%
Развитием науки и техники	53%	64%	85%
Системой образования	45%	64%	79%
Соблюдением прав и свобод человека	45%	66%	70%
Деятельностью государственных органов	42%	60%	23%
Состоянием социальной сферы	39%	68%	42%
Состоянием экономики страны	34%	67%	45%
Уровнем жизни населения	34%	63%	65%

Соответственно, уровень доверия социальным институтам в Казахстане превышает аналогичные показатели по России (но не так значительно, как можно было бы предположить, судя по предметам национальной гордости), а они, в свою очередь, существенно выше, чем в Чехии, за исключением нескольких институтов охраны правопорядка и гражданского общества (табл. 12). Подчеркнем, что уровень социального доверия российского студенчества, судя по нашим данным, за последнее десятилетие серьезно вырос, но эти данные уже были представлены в наших публикациях (6). В таблице приведены не все параметры оценки уровня социального доверия, а лишь однозначно совпадающие в трех анкетах и позволяющие проводить сопоставления. В целом, судя по ответам чешских респондентов, молодые поколения в большей мере надеются и доверяют институтам гражданского общества (но не средствам массовой информации), а не государственным структурам (но верят в эффективность разделения властей) и рыночным институтам (банкам, но не крупном бизнесу).

Таблица 12

В какой мере Вы доверяете/не доверяете:

Полностью доверяю + скорее доверяю	Москва	Астана	Прага
Президенту	63%	69%	9%
Правительству	57%	59%	18%
Церкви (религии)	52%	59%	16%
Судам	51%	49%	57%
Армии	47%	55%	56%
Государственной Думе (Парламенту)	46%	58%	18%
Полиции и правоохранительным органам	45%	45%	48%
Банкам	44%	51%	50%
Общественным организациям	42%	51%	58%
Крупному бизнесу	40%	55%	29%
Международным неправительственным организациям	37%	47%	52%
Политическим партиям	34%	49%	17%
Средствам массовой информации	32%	45%	26%

Чешские коллеги исключили из анкеты набор суждений для оценки социального самочувствия, который мог бы отчасти объяснить неровное распределение уровня доверия по разным институциям, и мы можем сопоставлять по приведен-

ным далее суждениям ответы только российского и казахстанского студенчества (суммированы варианты «полностью согласен» и «скорее согласен»). Чаще всего российские студенты соглашались с тем, что большинство людей сегодня занято только своими проблемами и равнодушно к проблемам других (62%), каждый второй полагает, что в стране без взятки невозможно решить ни одну проблему и что цель всегда оправдывает средства, каждый третий — что большинство молодежи в стране чувствует себя потерянными поколением, и родители не понимают своих детей и чем живет молодежь. Реже всего российские респонденты выражали согласие с тем, что спокойная совесть важнее любой прибыли, что главное в жизни — честь и достоинство, что нынешняя молодежь не испытывает проблем с адаптацией к жизни в современном обществе и находит общий язык со старшим поколением, а мир не без добрых людей (менее 17%). Казахские респонденты отчасти солидарны с российскими сверстниками: они согласны, что большинство людей замкнулось на собственных проблемах и безразлично к окружающим (75%) и цель оправдывает средства (66%), каждый второй убежден, что в стране невозможно решить ни одну проблему без взятки, молодежь чувствует себя потерянными поколением, а родители не понимают своих детей, однако каждый третий убежден, что молодежь вполне адаптировалась к современной жизни и находит общий язык со старшим поколением, спокойная совесть важнее любой прибыли, мир не без добрых людей, а главное в жизни — честь и достоинство.

Несмотря на существенные различия в социальном самочувствии и оценках возможности определять течение собственной жизни, студенческая молодежь трех стран выразила схожее отношение к выбору горизонта планирования — лишь каждый пятый вообще не строит планы. Однако горизонты планирования различаются: российские и чешские студенты чаще строят планы только на ближайшую перспективу (45% и 54%), а не на самую отдаленную (30% и 26%), тогда как казахские студенты предпочитают просчитывать свои действия на отдаленную перспективу (57%), а не ближайшее будущее (23%).

Общие ценностные приоритеты и проблемы (7). Верующими себя считают 81% московских респондентов (15% не относит себя ни к какому вероисповеданию, доминирует православие — 75%), 92% казахских (вариант про вероисповедание был исключен, доминирует ислам — 92%) и только 24% чешских (христианство — 59%). Высокие показатели религиозности не означают вовлеченности, о чем свидетельствует частота посещений религиозных учреждений: регулярно (практически каждую неделю или 2—3 раза в месяц) их посещает лишь каждый четвертый верующий российский респондент (26% не посещает вообще), но каждый второй казахский (7% не посещает) и 41% чешских (13%). Среди причин обращения к религии для российских студентов наиболее значима ее способность очищать душу, облегчать душевные страдания и предоставлять морально-нравственную опору в жизни, хотя за прошедшее десятилетие последние два компонента несколько утратили значение — покаяние оказалось на первом месте по частоте упоминаний, к лидерам причин обращения к религии приблизилась ее трактовка как пути к спасению души и к вечной жизни. Как и прежде, лишь каждый третий видит в ней смысл жизни, 13% — шанс стать частью сообщества близких по духу людей, менее 10% — способ ухода от реальности (табл. 13). Рас-

пределение ответов российских студентов в целом ближе казахстанской выборке, чем чешской, хотя казахстанские студенты подчеркивают в религии морально-нравственный аспект и реже упоминают ее способность даровать смысл жизни, спасение души и облегчение страданий. Чешские студенты более консолидированно отметили большее количество вариантов как неотъемлемые черты религиозного мировоззрения, причем каждый третий обозначил возможность обретения близкого круга людей, но в то же время 17% считают ее ложным утешением и способом ухода от реальности.

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, люди находят/ищут в религии?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Морально-нравственную опору жизни	52%	44%	48%	57%
Облегчение душевных переживаний, страданий	51%	42%	28%	58%
Очищение души, покаяние	50%	51%	41%	52%
Спасение души, путь к вечной жизни	32%	38%	30%	44%
Смысл жизни	27%	30%	16%	51%
Чувство общности с близкими по духу людьми	14%	13%	9%	32%
Ничего — лишь ложное утешение и уход от реальности	10%	8%	2%	17%
Затрудняюсь ответить	10%	8%	6%	—
Другое	3%	1%	1%	8%

Основные проблемы молодежи несколько по-разному видятся студентам трех стран (табл. 14). Ключевые проблемы молодых поколений, по мнению московских студентов, как и десятилетие назад, составляют наркомания (хотя уровень озабоченности ею снизился, что, видимо, говорит о более позитивном восприятии собственного поколения и о нынешнем медийном позиционировании данной проблемы как одной из, а не главной для молодых поколений) и алкоголизм (в меньшей степени курение), сопровождаемые морально-нравственной деградацией общества (преступность потеряла свои позиции, сегодня ее отмечает не каждый третий, а 18%). Далее идет блок объективных факторов, таковые детерминирующие: высокий уровень безработицы и нехватка материальных средств, коррупция власти и отсутствие поддержки со стороны государства, недоступность образования, обуславливающая и одновременно вытекающая из перечисленных причин экономическая, гражданско-правовая ситуация и межпоколенческое непонимание. За прошедшее десятилетие несколько снизился уровень озабоченности отсутствием поддержки со стороны государства: с одной стороны, она объективно возросла, судя по количеству молодежных программ и проектов, с другой стороны, учитывая медийное освещение и реальные объемы финансирования этих программ и проектов, снижение озабоченности выглядит несущественным. В то же время студенты стали чаще упоминать в качестве проблем своего поколения ограниченные возможности досуга (21% против 12%, что, учитывая нынешний спектр возможных занятий, свидетельствует о снижении их экономической доступности) и политическую ситуацию в стране и мире (сегодня ее называет каждый десятый против 4% десятилетие назад, что объяснимо в свете активных действий российского руководства на международной арене в последние годы).

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, какие проблемы сегодня наиболее остро стоят перед молодежью?»

Варианты ответов	Москва (2006)	Москва (2016)	Астана	Прага
Наркомания	76%	56%	37%	76%
Алкоголизм	60%	55%	32%	1%
Морально-нравственная деградация общества	48%	45%	23%	—
Курение	38%	44%	41%	1%
Преступность	31%	18%	4%	—
Проблемы со здоровьем	28%	30%	24%	3%
Безработица	25%	28%	41%	4%
Нехватка материальных средств	25%	21%	12%	13%
Отсутствие поддержки со стороны государства	24%	17%	7%	5%
Коррупция власти	19%	17%	34%	15%
Недоступность образования	16%	17%	7%	—
Экономическая ситуация в стране	14%	15%	13%	—
Нарушение гражданских прав и свобод	13%	11%	7%	4%
Ограниченные возможности досуга, скучная жизнь	12%	21%	8%	10%
Отсутствие взаимопонимания с родителями	12%	18%	3%	11%
Политическая ситуация в стране и в мире	4%	10%	5%	10%

Учитывая предметы национальной гордости казахстанских респондентов, предсказуемо общий уровень их озабоченности перечисленными проблемами оказался ниже российских показателей за исключением курения и проблем со здоровьем (аналогичный уровень), а также безработицы и коррупции власти (более высокий уровень). В целом казахстанские студенты считают, что главные проблемы молодежи сегодня — это, во-первых, безработица и коррупция власти (41% и 34%), задающие негативный объективный контекст жизни молодежи; во-вторых, ее девиантные практики — наркомания (37%), алкоголизм (32%) и курение (41%). Такие проблемы, как преступность, отсутствие поддержки со стороны государства и нарушения гражданских прав и свобод, недоступность образования и ограниченные возможности досуга, отсутствие взаимопонимания с родителями и политическая ситуация в стране и в мире, казахстанские респонденты актуальными не считают.

Чешские коллеги сократили список закрытий в данном вопросе, ограничившись вариантами, которые, видимо, имеют смысл для чешского общества, и распределение ответов подтвердило наличие у чешской молодежи устойчивого образа собственного поколения с однозначными оценочными акцентами: доминирует одна проблема — наркомания (76%), следующими с огромным отрывом (их назвал примерно каждый десятый) идут нехватка материальных средств, ограниченные возможности досуга, отсутствие взаимопонимания с родителями, коррупция власти и политическая ситуация в стране и в мире (учитывая указанный выше низкий уровень доверия чешских студентов социальным институтам, видимо, их неэффективность и соответствующие последствия студенты не считают проблемой именно своего поколения). Также чешские студенты демонстрируют меньший «патернализм» по сравнению с российскими и казахстанскими сверстниками, поскольку реже называют в качестве проблем своего поколения объективные факторы (в частности, уровень безработицы), коррупция власти для них (как и для россий-

ских студентов) менее значима, чем для казахстанских, а отсутствие поддержки со стороны государства, наоборот, столь же незначимо.

Блок вопросов о трактовке жизненного успеха чешские и казахстанские коллеги сократили, ограничившись лишь критериями профессионального успеха, поэтому по двум вопросам данного блока мы можем сделать выводы лишь о некоторых изменениях в представлениях московского студенчества (рис. 4).

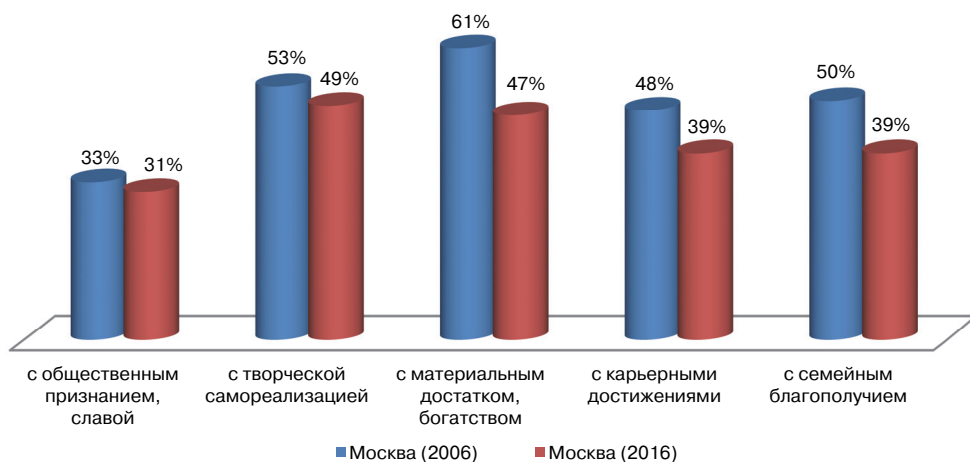

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «С чем Вы, в первую очередь, ассоциируете понятие “успех”?»

Если в 2006 году приоритетным критерием жизненного успеха для студентов был материальный достаток (61%), второе место делили творческая самореализация, карьерные достижения и семейное благополучие (их назвал каждый второй), а каждый третий назвал общественную признанию и славу, то спустя десятилетие не изменилась лишь позиция общественного признания. Сегодня для студентов успех — это набор достижений, в котором одинаково значимы материальный достаток и творческая самореализация (их назвал каждый второй), а на втором месте стоят карьерные достижения и семейное благополучие (по 39%), т.е. очевидна более лично ориентированная трактовка успеха как достижение свободы — материальной и самовыражения.

Тем не менее, смысложизненные ценности российских студентов за десятилетие не изменились. Как и прежде, в вопросе, где респондентам предлагалось про ранжировать по степени значимости десять понятий, студенты продемонстрировали редкое единодушие: главные жизненные приоритеты опрошенных — семья (немного ухудшила свои позиции — на первое место ее поставили 62% против 71% в 2006 году, но вместе со вторым своим рангом она также набрала 80%) и здоровье (разброс мест здесь больше, но у каждого второго оно вошло в тройку лидеров); срединную позицию на «шкале значимости» заняли образование, работа и друзья, незначительно отстает материальный достаток и свободное время; на последних позициях оказались политика, общественная деятельность и религия. Казахстанские коллеги не включили вопрос с ранговой шкалой в анкету. Судя по чешским данным, структура смысложизненных ценностей у молодежи двух

стран совпадает с точки зрения итоговой иерархии, хотя разброс мест в чешской выборке больше: лидирует также семья (входит в первую тройку у большинства опрошенных), на втором месте (входят в пятерку) здоровье и друзья, на третьем — образование и работа, далее идут свободное время и материальный достаток, на последнем месте — религия.

Судя по рисунку 5, смена акцентов в трактовке жизненного успеха не изменила представлений московских студентов о том, какие личностные качества позволяют человеку успеха достичь. В первую очередь, это набор таких позитивных качеств, как трудолюбие, коммуникабельность, целеустремленность и талант (за исключением трудолюбия все прочие качества немного потеряли в частоте упоминаний). Вторую группу наиболее значимых качеств, набравших свыше 20%, составили более разнородные с точки зрения возможных оценок черты (могут быть как положительными, так и отрицательными) — честолюбие и расчетливость, оптимизм и честность, упрямство и изворотливость, исполнительность, умение идти напролом в достижении цели и манипулировать окружающими. За прошедшее десятилетие из этой группы выпала способность идти на компромисс (14% против 24% в 2006 году), что согласуется с приведенными выше данными о важности самореализации. Реже всего студенты, как и прежде, называют негативные качества — коварство, цинизм, жадность и беспринципность, хотя в эту группу попала и щедрость.

В выборе оснований успешной профессиональной карьеры студенты трех стран выразили удивительное единодушие в том смысле, что важным считают буквально всё (табл. 15). Тем не менее, очевидны несколько различий: чешские респонденты верят, в первую очередь, в личные качества — трудолюбие, знания, коммуникабельность и владение иностранным языком, но этот набор хорошо бы подкрепить связями и знакомствами, о чем они говорят чаще российских и казахстанских сверстников, что не соответствует стереотипам о «западной» модели карьерного пути. Менее значимы для чешских студентов диплом престижного вуза, удача и поддержка родителей, друзей и близких, т.е., видимо, под связями и знакомствами выше подразумеваются профессиональные контакты, что объясняет частоту выбора данного варианта. Различия между казахстанскими и российскими студентами по данному вопросу незначительны, за исключением того, что первые чаще упоминают владение иностранным языком, а вторые чаще полагаются на диплом престижного вуза.

В будущее молодежь смотрит с надеждой и оптимизмом (каждый второй российский студент, 70% казахстанских респондентов), реже спокойно, без особых надежд и иллюзий (39% российских студентов, каждый пятый казахстанский респондент), но каждый десятый российский студент — с тревогой и неуверенностью (7% в казахстанской выборке). Результаты чешского опроса противоположны: треть смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом, 37% — спокойно, но без особых надежд и иллюзий, а 27% — с тревогой и неуверенностью. Треть российских студентов считает себя оптимистами (40% казахстанских респондентов, но 27% чешских), треть — реалистами (39% и 33%), каждый четвертый (28% чешских респондентов) ориентируется по ситуации.

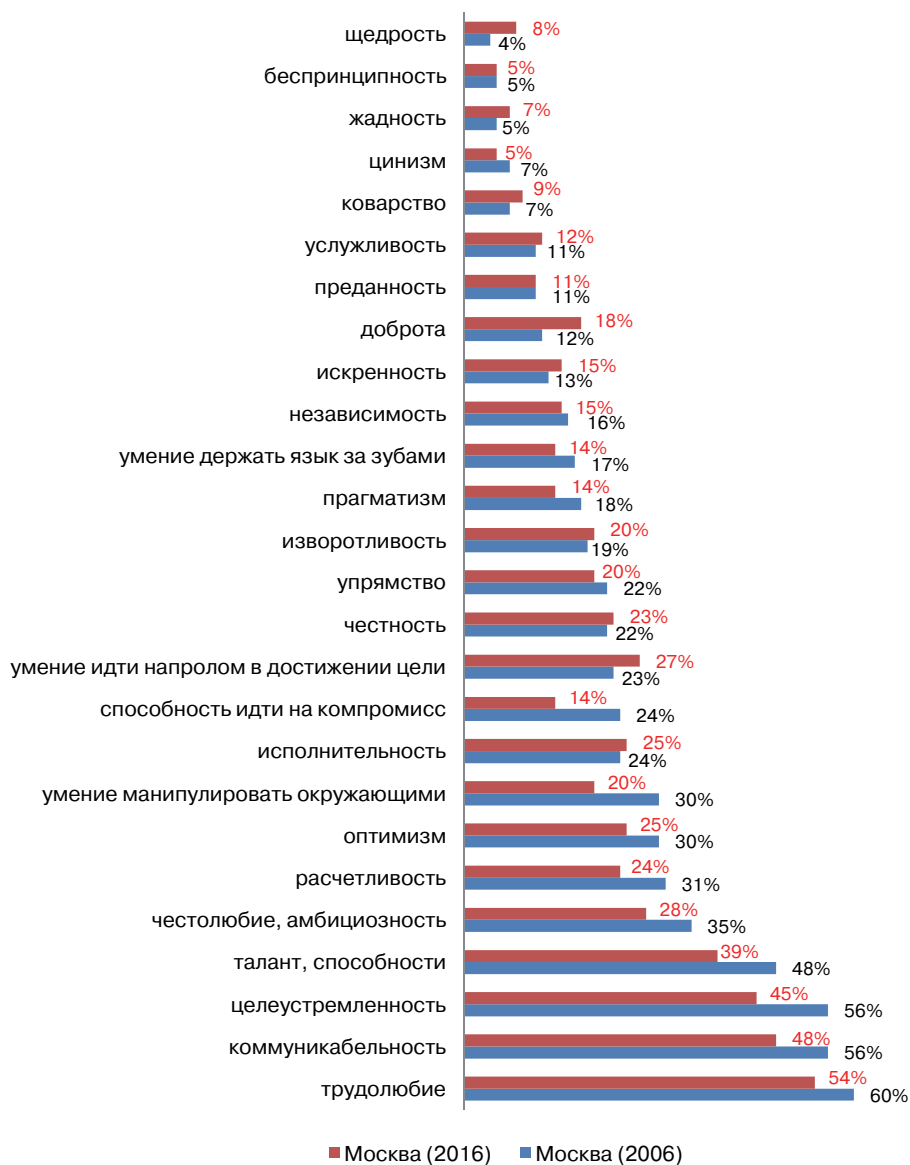

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вам кажется, какие личностные качества сегодня позволяют человеку достичь успеха?»

Таблица 15

На Ваш взгляд, что сегодня определяет успешную профессиональную карьеру?

Полностью согласен + скорее согласен	Москва	Астана	Прага
Собственные знания и умения	86%	81%	85%
Коммуникабельность, способность легко находить общий язык	84%	86%	87%
Трудолюбие, готовность много работать ради достижения цели	83%	78%	85%
Знание иностранного языка(ов)	77%	86%	93%
Наличие связей, знакомств	75%	75%	89%
Поддержка родителей, друзей и близких	71%	76%	51%
Удача, везение, случай	66%	61%	61%
Наличие диплома престижного вуза	62%	76%	67%

Таким образом, ценностная сфера студенческой молодежи трех стран по многим основаниям столь же поразительна схожа, сколь неожиданно различается по ряду приоритетов. Так, нынешние студенты прагматично относятся к высшему образованию — как путевке во взрослую жизнь (в том числе благодаря формальному одипломливанию), причем российских студентов устраивает их вуз, а их чешские и казахстанские сверстники предпочли бы иное образовательное учреждение, желательно за границей, но большинство не ограничится дипломом бакалавра. В целом чешские студенты более пессимистично настроены по целому ряду вопросов, например, оценивая свои шансы на легкое и быстрое трудоустройство по специальности, но пессимизм можно объяснить тем, что они предъявляют к трудоустройству более высокие требования в плане личностной самореализации и социальной значимости работы. Вероятно, ряд отличий чешских студентов можно объяснить устойчивой для научной и публицистической литературы отсылкой к западному характеру чешского общества. Российское общество, видимо, занимает некую промежуточную позицию, потому что по одним вопросам похоже на чешское общество, а по другим — скорее на казахстанское. Скажем, по параметру устойчивости межпоколенных связей и опоры на семейно-родственный круг казахстанские студенты продемонстрировали больший «традиционализм»; чешские студенты чаще признаются в отсутствии друзей и восприятии этой ситуации как нормальной, но кредит доверия родителям в сложной жизненной ситуации у них столь же беспрецедентен. Для чешских студентов характерна большая консолидированность и определенность в выборе вариантов ответов: среди них практически нет затруднившихся назвать желаемое количество детей и доминирует ориентация на двухдетную семью; они отличаются высоким декларируемым индивидуализмом в определении масштабов личной ответственности, что объясняется не только характерным для западного общества индивидуализмом и опорой на собственные силы, но и высоким уровнем недовольства и недоверия государственным институтам и меньшими патерналистскими ожиданиями. У чешских респондентов в несколько раз выше (хотя речь идет о незначительных долях) наполнение градаций «другое» и, наоборот, в несколько раз меньше — варианта «затрудняюсь ответить», более консолидированы мнения по многим вопросам, что говорит о большей определенности жизненной ситуации с точки зрения восприятия реалий и собственной в них позиции в контексте ценностных предпочтений. Казахские студенты отличаются более высокими показателями конформности и социального оптимизма, что объясняется высоким уровнем доверия базовым социальным институтам, которое, в свою очередь, основывается на высокой оценке (гордости) не только прошлых достижений страны, но и ее настоящего во всех сферах жизнедеятельности общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., напр.: *Narbut N.P., Trotsuk I.V. Comparative analysis as a basic research orientation: Key methodological problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4; Троцук И.В., Савельева Е.А. Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4.*

- (2) См., напр.: *Trotsuk I.V.* Sociological study of the images of the neighboring countries: Russian student youth stereotypes, and their contextual frames // Сборник Радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини. 2016. № XLVI.
- (3) См., напр.: *Троцук И.В.* Студенческая молодежь постсоциалистических стран: сравнительный анализ ценностных ориентаций // *China Youth Today*. 2008. № 12 (на кит. яз.); *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации студенчества России и КНР: региональные различия // *China Youth Today*. 2010. № 5 (на кит. яз.); *Голенкова З.Т., Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные приоритеты студенческой молодежи России и Китайской Народной Республики // Россия и Китай. Изменения в социальной структуре общества. М., 2012. С. 481—503.
- (4) Мы тезисно приводим выводы по результатам опроса, будучи ограничены объемом публикации, и понимаем, что с данными нужно продолжать работать дальше.
- (5) См., напр.: *Trotsuk I.V.* Some 'indicators' to 'measure' patriotism in the contemporary world // Социолошки преглед (Serbian Sociological review). 2017. Vol. LI. No. 3.
- (6) См., напр.: *Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V.* The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4.
- (7) В этот блок собраны вопросы, которые важны для понимания ценностных доминант молодежного самосознания, но плохо поддаются тематической группировке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Андреенкова А.В.* Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. 2011. № 3.
- [2] *Гегер А.Э.* Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи: релевантные методические решения // Социологические исследования. 2010. № 1.
- [3] *Емельяненко Т.В.* Методы межкультурных исследований ценностей // Социология: 4М. 1997. № 9.
- [4] *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4.
- [5] *Руднев М.Г.* Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // Социология: 4М. 2013. № 37.
- [6] Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013.
- [7] *Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J.* Measurement equivalence in cross-national research // *Annual Review of Sociology*. 2014. № 40.
- [8] *Inglehart R.* Changing values among western publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. 2008. Vol. 31.
- [9] *Khizrieva A.G., de Munck V.C., Bondarenko D.M.* The Moscow School of quantitative cross-cultural research // *Cross-Cultural Research*. 2003. Vol. 37. № 5.
- [10] *Rokeach M.* The Nature of Human Values. New York, 1973.
- [11] *Scheuch E.K.* Society as context in cross-cultural comparisons // *Social Science Information*. 1967. Vol. 6. No. 7.
- [12] *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25 / Ed. by M. Zanna. New York, 1992.
- [13] *Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. № 5.

**THE SOCIAL WELL-BEING
OF THE POST-SOCIALIST COUNTRIES' YOUTH
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIA, KAZAKHSTAN
AND CZECH REPUBLIC):
COMPARATIVE ANALYSIS OF VALUE ORIENTATIONS
(Part 1)***

N.P. Narbut, I.V. Trotsuk

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: narbut_np@rudn.university; trotsuk_iv@rudn.university)

Abstract. The article presents the results of a three-year study conducted by the Sociology Chair of the RUDN University in cooperation with foreign colleagues to compare the worldview priorities of the today's student youth. Due to the article size limitations the authors divided the data into two parts: in the first part, they focus on the identification of the values that serve as reference points specifying the social action limits and criteria for assessing events and situations. The data does not allow for broad generalizations due to the non-equivalence of the questionnaires used in three countries, but points to a number of characteristics that make the Russian youth look more similar to their Czech or Kazakhstan peers than to themselves a decade ago. Such a conclusion is based on the analysis conducted according to the thematic structure of the questionnaire. Thus, the article presents the educational values of students (pragmatic-instrumental perception of the higher education), labor values (a mixture of optimism and pessimism when assessing chances to find a job after graduation, and different attitudes to the combination of study and work), interpersonal interaction features (a high credit of trust in parents, especially in a difficult situation, does not depend on the self-perception and the circle of personal responsibility), political values (the ratio of the lack of political activity and interest in politics, and the level of social trust differ despite the same leaders of national pride), general value priorities (attitudes towards religion, interpretations of the life success and qualities necessary for achieving it, the horizons of planning) and problems (assessing one's generation in terms of actual threats).

Key words: students; youth; value orientations; fundamental life values; comparative analysis; survey questionnaire

REFERENCES

- [1] Andreenkova A.V. Mezhsranovye sravnitelnye issledovaniya v socialnyh naukah: metodologiya, etapy razvitiya, sovremennoe sostojanie [Cross-country comparative analysis in social sciences: Methodology, development, and the current state]. *Mir Rossii*. 2011: 3 (In Russ.).
- [2] Geger A.E. Vyjavlenie individualnyh i gruppovyh tsennostej v gruppe molodezhi: relevantnye metodicheskie resheniya [Identification of personal and group values among the youth: Relevant methodological solutions]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2010: 1 (In Russ.).
- [3] Emeljanenko T.V. Metody mezhkulturnyh issledovaniy tsennostej [Methods of cross-cultural study of values]. *Sociologija: 4M*. 1997: 9 (In Russ.).

* © N.P. Narbut, I.V. Trotsuk, 2017.

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities (Russian Foundation for Basic Research). The project No.15-03-00573 “The social well-being of the youth in post-socialist countries: Comparative analysis (on the example of Russia, Kazakhstan, China, Serbia and Czech Republic)”.

- [4] Inglehart R. Postmodern: menjajushhiesja tsennosti i izmenjajushhiesja obshhestva [Postmodern: Changing values and changing societies]. *Politicheskie Issledovanija*. 1997: 4 (In Russ.).
- [5] Rudnev M.G. Invariantnost izmerenija bazovyh tsennostej po metodike Schwartza sredi ruskojazychnogo naselenija chetyreh stran [The invariant measurement of the basic values of the Russian-speaking population of four countries based on the Schwartz method]. *Sociologija: 4M*. 2013: 37 (In Russ.).
- [6] Samoreguljatsija i prognozirovanie socialnogo povedenija lichnosti: Dispozitsionnaja kontsepcija [Self-Regulation and Prediction of Person's Social Behavior: Dispositional Theory]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [7] Davidov E., Meuleman B., Cieciuch J., Schmidt P., Billiet J. Measurement equivalence in cross-national research. *Annual Review of Sociology*. 2014: 40.
- [8] Inglehart R. Changing values among western publics from 1970 to 2006. *West European Politics*. 2008: 31.
- [9] Khizrieva A.G., de Munck V.C., Bondarenko D.M. The Moscow School of quantitative cross-cultural research. *Cross-Cultural Research*. 2003: 37 (5).
- [10] Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York; 1973.
- [11] Scheuch E.K. Society as context in cross-cultural comparisons. *Social Science Information*. 1967: 6 (7).
- [12] Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. Ed. by M. Zanna. New York; 1992.
- [13] Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001: 32 (5).